

Огородникова Нина Владимировна**Ogorodnikova Nina Vladimirovna**

кандидат юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета

PhD in Law, Professor,
Criminal Law and Criminology Department,
Kuban State University

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

IMPROVING RULES OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS THE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL POLICY

Аннотация:

В статье анализируются тенденции развития уголовно-правовой политики сквозь призму изменений и дополнений Уголовного кодекса Российской Федерации, дается их оценка и обозначаются проблемы, обусловленные несистемным подходом к частым и «точечным» изменениям и дополнениям УК РФ, имеющим разнонаправленный характер. Одни из них социально и криминологически обоснованы, другие – напротив, вызывают сомнения в необходимости их легализации. К первым следует отнести криминализацию деяний, провоцирующих суицидальное поведение. Появление этих норм в гл. 16 УК РФ, дополненной ст. 110.1, 110.2, в сочетании с частичной криминализацией доведения до самоубийства в ст. 110 позволяет говорить об образовании комплекса норм, связанных с побуждением к суициду. В статье также произведен анализ и других изменений, в частности наметившаяся, порой не всегда обоснованная увлеченность законодателя расширением арсенала специальных норм. Не бесспорны выделение такой подгруппы уголовно наказуемых деяний небольшой тяжести, как мелкие преступления, возрождение норм преюдициального характера и др.

Ключевые слова:

совершенствование уголовного закона, побуждение к самоубийству, суицид, объект посягательства, привилегированные составы преступлений, конкуренция норм, мелкие преступления.

Summary:

The paper analyzes trends in the criminal policy development through the prism of amendments and supplements to the Criminal Code of the Russian Federation, provides their assessment, and indicates the problems caused by the non-systematic approach to the frequent and targeted amendments and supplements to the Criminal Code that have a multidirectional nature. Some of them are socially and criminologically justified, while others, on the contrary, raise doubts about the need for their legalization. The first ones should include the criminalization of acts that provoke suicidal behavior. The emergence of these rules in Chapter 16 of the Criminal Code of the Russian Federation supplemented by Articles 110.1, 110.2 along with the partial criminalization of forced suicide in Article 110 allows us to talk about a set of rules associated with the incitement to suicide. The author analyzes other amendments as well, in particular the emerging, sometimes unjustified enthusiasm of the legislator for the extension of special rules. It is debatable to distinguish such subgroup of criminal minor offences as petty crimes, revive the prejudicial standards.

Keywords:

improvement of criminal law, incitement to suicide, suicide, object of offence, privileged elements of crime, collision of rules, petty crimes.

О векторе развития уголовного права и уголовно-правовой политики в целом можно судить по изменениям и дополнениям действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Изучение коррективов позволяет заметить явное преобладание криминализационных и пенализационных процессов.

Подтверждением сказанному может служить анализ недавних нововведений. В частности, посредством изменений, внесенных в гл. 16 УК РФ [1], криминализации подверглись деяния, связанные с доведением до самоубийства. Глава 16 УК РФ дополнилась двумя новыми статьями – ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и ст. 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства». Этим же законом в ст. 110 УК РФ расширены рамки дифференциации состава доведения до самоубийства. Законодатель не использует термин «суицид», исключительно употребляя другой, более традиционный – «самоубийство». Однако следует согласиться с научным мнением о некорректности привычного обозначения деяний, побуждающих, мотивирующих лиц к самоубийству [2].

В гл. 16 УК РФ представлены 52 состава преступления, из которых основных – 23, квалифицированных – 21 и привилегированных – 8 [3]. Таким образом, соотношение привилегированных и квалифицированных разновидностей преступлений стало еще более непропорциональным и свидетельствует об устойчивой перманентной тенденции к односторонней дифференциации ответственности – за счет частичной криминализации. За весь посткодификационный период в УК РФ не появилось ни одной статьи, которую бы законодатель прямо позиционировал как содержащую

привилегированный вид преступления. В действительности же таковые имеются: это и изначально «прописанные» в Кодексе составы заражения венерической болезнью и ВИЧ-инфекцией (ст. 121–122 УК РФ), выступающие, по сути, привилегированными разновидностями соответственно средней тяжести (ст. 112 УК РФ) и тяжкого (ст. 111 УК РФ) вреда здоровью, и не так давно введенные нормы о мошенничестве, предусмотренные статьями 159.1–159.3, 159.5–159.6 УК РФ, являющиеся специальными по отношению к общей норме, изложенной в ст. 159 УК РФ. К выводу о привилегированности перечисленных норм приводит сравнительный анализ их санкций.

Ряд примеров можно продолжить, но и приведенные наглядно демонстрируют еще одну наметившуюся тенденцию законодателя – «плодить» специальные нормы, что в большей мере типично для прецедентного права. В полной мере сказанное относится и к новым составам преступлений, связанных с суицидом, поскольку нормы, изложенные в ст. 110.1 и 110.2 УК РФ, наряду с нормами, содержащимися во многих статьях УК РФ (в частности, ст. 150, 151, 151.2, 172.2, 205.1, 205.2, 205.4, 205.5, 210, 230, 230.1, 280.1, 282.1, 282.3 и др.), находятся в отношении подчинения по объему с нормами Общей части о соучастии.

Для правоприменительной деятельности наряду с вопросами конкуренции возникает и такая проблема, как соотношение и разграничение уголовно-правовых норм, в частности норм, связанных с побуждением к суициду, с нормой в ст. 151.2 УК РФ, введенной тем же Федеральным законом № 120-ФЗ и предусматривающей ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни. Последняя, в свою очередь, потребует сопоставления ее с нормой об оставлении в опасности (ст. 125 УК РФ).

Белорусский ученый В.В. Марчук отмечает также наличие конкуренции склонения к самоубийству, с одной стороны, с доведением до самоубийства, а с другой – с убийством [4].

С введением ст. 110.1, 110.2 УК РФ внутри гл. 16 УК РФ изменилось не только общее число составов преступлений, но и «расстановка сил» по признаку непосредственного объекта. Традиционным является выделение в этой главе таких подгрупп, как преступления против жизни, против здоровья и иные преступления против жизни и здоровья. На сегодняшний день наличие в УК РФ трех статей – ст. 110, 110.1, 110.2 – позволяет говорить о формировании системы преступлений, связанных с суицидом. Вместе с тем призвание всех этих статей – предупредить суицидальное поведение, запретить его проявление в каких бы то ни было формах и определить уровень наказуемости в случае нарушения уголовно-правовых запретов – вряд ли позволяет говорить о едином для них основном непосредственном объекте преступления. Дополненная частью второй с набором квалифицирующих признаков статья 110 УК РФ не изменила направленности посягательства. Доведение до самоубийства входит в подгруппу преступлений, посягающих на жизнь. Сюда же из вновь введенных следует, на наш взгляд, причислить норму о склонении к совершению самоубийства или содействию совершению самоубийства, повлекших самоубийство или покушение на самоубийство (ч. 4 ст. 110.1 УК РФ). Составы же преступления как угрожающих жизни и здоровью, предусмотренных ч. 1–3 ст. 110.1, ст. 110.2 УК РФ, представляются более корректным отнести в третью подгруппу, представленную ст. 119, 120, ч. 1 ст. 122, ст. 125 УК РФ, поскольку при их совершении вред причиняется общественным отношениям, складывающимся по поводу безопасности жизни и здоровья.

Новые составы преступлений являются реакцией государства на сложившуюся в последние годы и обострившуюся в российском обществе ситуацию с вовлечением, прежде всего детей и подростков, в суицидальные объединения и побуждением их к самоубийству посредством средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

В то же время представлять последние коррективы УК РФ как нововведения применительно к преступлениям, связанным с побуждением к суициду, можно с большой долей условности, в чем убеждает ретроспективный анализ отечественного уголовного законодательства.

О блоке преступлений, связанных с суицидальным поведением, позволяет говорить дореволюционное законодательство. В частности, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. преступления против жизни подразделялись на две группы и размещались в двух главах: в первой главе предусматривалась ответственность за смертоубийство, а во второй – за самоубийство. В рамках ответственности за самоубийство преступными объявлялись три деяния: доведение, подстрекательство и пособничество. В Уголовном уложении 1903 г. приводилось уточнение, что ответственность за подстрекательство и пособничество самоубийству наступала, если потерпевший являлся несовершеннолетним (не достигшим 21 года) либо душевнобольным.

Советское уголовное право также относило подстрекательство или пособничество самоубийству несовершеннолетнего или душевнобольного к системе преступлений против жизни, что было закреплено в разд. 1 «Убийство» гл. V «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» УК РСФСР 1922 г. Система преступлений против жизни и здоровья в целом не претерпела изменений и в УК РСФСР 1926 г. Была введена лишь ответственность за доведение до самоубийства или покушение на него лица, находящегося в материальной или

иной зависимости от виновного, путем жестокого обращения с потерпевшим или иным подобным путем, а также за заведомое поставление другого лица в опасность заражения венерической болезнью. УК РСФСР 1960 г. в процессе частичной декриминализации сохранил в ст. 107 ответственность только за доведение до самоубийства посредством жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства. Трансформация описания данного преступления в УК РФ 1996 г. выразилась в том, что законодатель в составе доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) расширил круг потерпевших (соответственно, и субъектов), исключив указание на материальную или иную зависимость от виновного.

Компаративистский анализ можно расширить и за счет обращения к зарубежным аналогам рассматриваемых норм. Во всех государствах предусмотрена ответственность за преступления против жизни и здоровья, включающие в свою систему прежде всего убийства (простые, квалифицированные и привилегированные), а также деяния, связанные с самоубийством (подстрекательство, помощь, доведение) и абортom (склонение, рекламирование abortивных средств и др.). В некоторых государствах (Бруней, Индия, Нигерия, Сингапур, Судан, Тонга) к преступлениям против жизни и здоровья относится и попытка самоубийства. Такое деяние было известно и российскому уголовному праву на начальных стадиях его развития.

В настоящее время уровень и масштабы вовлечения подрастающего поколения в различные секты типа «групп смерти» таковы, что потребовали «оперативного вмешательства» законодателя для уголовного преследования тех, кто разрушительно воздействует на сознание и духовное развитие лиц с неустойчивой и несформировавшейся психикой. Возможности виртуального пространства позволяют манипулировать сознанием и внушать решимость к суициду как конкретного адресата, так и неперсонифицированного круга потенциальных потерпевших, что существенно повышает общественную опасность подобной деятельности. С этой точки зрения позиция законодателя о возрождении целого блока преступлений, связанных с доведением до самоубийства, не только объяснима и оправдана, но и социально необходима.

В то же время вызывает озабоченность другая тенденция законодателя – его увлеченность «мелкими» преступлениями. В свете новаций июля 2016 г. можно констатировать, что Уголовный кодекс «мельчает». Двумя федеральными законами УК РФ дополнен составом мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ) [5], и преступлениями коррупционной направленности: мелким коммерческим подкупом (ст. 204.2 УК РФ) и мелким взяточничеством (ст. 291.2 УК РФ) [6]. Анализируемые изменения УК РФ побуждают к размышлениям о терминологическом соотношении мелких правонарушений в уголовном и административном законодательстве и об именовании преступлений мелкими в целом. Достигли ли таковые деяния степени общественной опасности, позволяющей им пребывать в статусе преступных? То, что вполне приемлемо для административного закона (мелкое хищение, мелкое хулиганство), «режет слух» в уголовном; не мелковато ли для Уголовного кодекса иметь в своем арсенале мелкие преступления? Законодатель в очередной раз игнорирует позицию ученых – вернуться к идее маленького, но жестокого УК РФ. При наличии же в самом репрессивном кодифицированном акте, которым является Уголовный кодекс, такой «подкатегории» преступлений небольшой тяжести, как мелкие преступления, есть смысл обратиться к апробированному опыту уголовно-правовых систем зарубежных стран, разделяющих терминологически все преступные деяния на преступления, проступки и правонарушения с соответствующим уровнем реагирования на каждый классификационный вид как самих деяний, так и лиц, их совершивших.

Помимо названных к числу тенденций современного уголовного права следует отнести возрождение норм преюдициального характера, расширение императивных норм об освобождении от уголовной ответственности в Особенной части с детализацией оснований и условий для их применения, восстановление неоднократности под видом иных признаков (в частности, признака «двух и более лиц»), возвращение рецидиву статуса квалифицирующего признака состава преступления и ряд других. Все это свидетельствует о непрекращающемся поиске законодателем оптимальных форм совершенствования отечественного законодательства, когда вполне приемлема такая формула, как «новое – хорошо забытое старое».

Подводя итог краткому анализу изменений и дополнений последних лет, корректирующих уголовный закон, следует заключить, что период реформирования отечественного уголовного законодательства не завершен и по-прежнему нуждается в тщательной научной экспертизе и разработке концептуального подхода к его построению.

Ссылки и примечания:

1. См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности,

направленной на побуждение детей к суицидальному поведению [Электронный ресурс] : федер. закон Рос. Федерации от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. В.В. Марчук отмечает, что составные части данного слова находятся в противоречии с юридическим понятием убийства, под которым понимается умышленное противоправное лишение жизни другого человека. В суицидологии при характеристике намеренного лишения человеком своей жизни обычно используют понятия «суицид» или «суицидальная попытка». Суицид или попытка суицида не являются преступлением. См.: Марчук В.В. Уголовно-правовая оценка деяний, инспирирующих суицид // Судовы веснік. Мінск, 2003. № 2. С. 29.
3. Этот дисбаланс более нагляден в других главах УК РФ, поскольку нигде, как в гл. 16, нет такого количества этого вида составов преступлений. Три преступления: убийство, умышленное причинение тяжкого и умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью имеют как квалифицированные, так и привилегированные свои разновидности.
4. См.: Марчук В.В. Указ. соч. С. 30.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федер. закон Рос. Федерации от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Российская газета. 2016. 8 июля.
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ // Там же.

References:

Marchuk, VV 2003, 'Criminal legal assessment of the acts inspiring a suicide', *Sudebnyy vestnik*, Minsk, no. 2, p. 29, (in Russian).